

УГОЛОВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (МАРТ-ДЕКАБРЬ 1917 Г.)

CRIMINAL OFFENCES IN THE FAR EAST OF RUSSIA DURING THE PERIOD OF REVOLUTIONARY TRANSFORMATION (MARCH-DECEMBER 1917)

S. Slivko
M. Romanova
A. Magdenko

Summary: The article examines the criminogenic situation in the Russian Far East in 1917, identifies trends in the development of criminality in the conditions of the February Revolution, and studies their local specifics. The article also presents the reflection in the criminogenic situation of the socio-economic and political processes that took place in the Far Eastern region.

Keywords: February revolution, Russian Far East, Amur region, criminal offense.

Сливко Станислав Вадимович

К.и.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)
tov.slivko@mail.ru

Романова Марина Ибрагимовна

К.и.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)
maromanova@yandex.ru

Магденко Анжела Александровна

Учитель, МАОУ Лицей "Звездный" (г. Хабаровск)
anj.necrasova@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрена криминогенная обстановка на российском Дальнем Востоке в 1917 г., выявлены тенденции развития уголовной преступности в условиях Февральской революции, изучена их местная специфика, представлено отражение в них социально-экономических и политических процессов, происходивших на территории дальневосточного региона.

Ключевые слова: Февральская революция, Дальний Восток России, Приамурский край, уголовная преступность.

Одним из признаков нарастания кризисных явлений в экономике и общественной жизни Российской империи накануне Февральской революции стал рост уголовной преступности. В революционный период эта проблема приобрела еще больший размах, поскольку формирование новых органов правопорядка и складывание правовых основ для их деятельности было затруднено многочисленными причинами, а углубляющиеся кризисные явления в обществе объективно способствовали росту уголовных преступлений и расширению круга вовлекаемых в них лиц.

Развитие преступности и борьбы с ней в период Февральской революции привлекало внимание исследователей как в советский, так и в постсоветский период [1-6]. Главным образом, внимание авторов было обращено на внутреннюю политику Временного правительства и его мероприятия по противодействию преступности, а также на создание и функционирование новых органов правопорядка. Количество работ, специально посвященных развитию и эволюции преступности как значимого в революционный период социального явления сравнительно невелико и ограничивается, главным образом, отдельными городами и регионами России [7-11].

Уголовная преступность на Дальнем Востоке России в период Февральской революции не выделялась

в качестве самостоятельного предмета исследования в научной литературе. В статьях Н.А. Шабельниковой эта тема затронута в связи с исследованием становления органов милиции на Дальнем Востоке в 1917-1922 гг. [12,13]. Показательно, что в обобщающем академическом исследовании «История Дальнего Востока России» она даже не обозначена в числе значимых проблем для региона в рассматриваемый период времени [14].

В марте 1917 г., когда в крупных городах на территории Дальнего Востока происходила смена власти и в обществе царил эйфория, вызванная революционными переменами, периодическая печать неоднократно отмечала резкое падение уровня преступности. Однако в скором времени сообщения об уголовных преступлениях не только заняли привычное место в газетной хронике, но и участились.

Наиболее распространенным видом преступлений на Дальнем Востоке России были кражи. Объектом кражи часто становились деньги, предметы быта. К примеру, крестьянка Забайкальской области заявляла о краже неизвестными из комнаты 10 руб. [15]. Нередко пропажа денежных средств была связана с должностными преступлениями. В июле 1917 г. в Приморье в почтово-телеграфной конторе у бухгалтера войскового правления были украдены деньги в размере 15400 руб. У милиции

возникли сомнения о легальности появления этих денег у потерпевшего. В результате проведения расследования выяснялось, что бухгалтер войскового правления сам присвоил эти деньги. Во время обыска в корзине с бельём было найдено 440 руб., в трубе самовара – 1770 руб., а также на одной из могил покровского кладбища – 10000 руб., на счету во Владивостокском казначействе находились 1383,43 руб. Сожительница потерпевшего подтвердила факт присвоения им денег. Из категории потерпевшего гражданин был переведён в обвиняемые и помещен в арестный дом. В должности бухгалтера войскового правления прослужил около двух месяцев, до этого служил та же около года по вольному найму [16]. В Благовещенске учителем семинарии была обнаружена пропажа 500 руб., находившихся в ящике в кабинете директора. Подозрения пали на служащего, который под предлогом явки к воинскому начальнику взял из канцелярии семинарии свой паспорт и ушёл, больше не возвращался. Неявка служащего навела администрацию на мысль о похищении им денег, что в результате было подтверждено [17].

Кроме денег объектом краж были одежда, предметы быта. В апреле 1917 г. в Благовещенске при осмотре арестантов у доктора было украдено драповое пальто. Нашедшему полагалось вознаграждение в 25 руб. В этот же период, недавно вышедший из тюрьмы Сидор Вайжанский подозревался в краже казённых сапог [18]. В мае 1917 г. в Никольск-Уссурийске со двора дома по ул. Корфовской были похищены 8 листов оцинкованного железа [19]. В июле 1917 г. у преподавателя Благовещенской духовной семинарии из квартиры были похищены золотые часы стоимостью в 200 руб. [20]. В августе 1917 г. из лавки № 2 на Гостинодворском базаре было украдено 37 ящиков спичек фирмы «Чуринь» и 16 банок свиного сала, ущерб составил 1550 руб. [21]. Преступников было поймать очень сложно, поэтому через средства периодической печати население призывали быть очень внимательными к своему имуществу. Порой оказывалось, что преступниками были не профессиональные уголовники, а обычные люди, которые пошли на воровство вследствие материальных затруднений. Известия о кражах продуктов питания, одежды, топлива, мелких сумм денег часто встречаются в газетной хронике.

Бытовые кражи нередко перерастали в грабежи и разбои. Ярким примером таких преступлений является зверское убийство нотариуса г. Владивостока А.П. Бужко. Мотивом убийства стал грабёж. Убийцы ограбили контуру Бужко – были украдены денежные средства в размере 1000 руб. Данное уголовное преступление могло быть переклассифицировано в государственное, так как распространялись слухи о причастности к убийству революционеров, однако по горячим следам преступления было раскрыто [22].

В ночь на 14 июня 1917 г. в Хабаровске, в Муравьево-Амурской слободке произошло зверское убийство 5ти человек. Убитыми оказались Игнатий Тихонов (27 лет), Андрей Чеганцев (35 лет), Мария Салтыкова (20 лет), Секлетия Исаева (27 лет) и ее сын Володя (8 месяцев). Четверо взрослых и грудной младенец были убиты из-за 1000 руб., золотых украшений, постельного белья и одежды. Несмотря на то, что были «предприняты энергичные меры к розыску убийц», убийцы не были найдены и наказаны [23].

В конце июля 1917 г. в Никольск-Уссурийске, по адресу ул. Пушкинская, д. 50, в отсутствие домовладельца ворвались 5 неизвестных с револьверами и кинжалами, замаскировавшие тряпками лица, связали хозяйку и детей. Устроили погром. В результате нападения из дома было похищено 700 руб. [24]. Грабители также не были пойманы.

В условиях слабости органов правопорядка и углублявшегося кризиса власти, осенью 1917 г. участились попытки ограблений под видом законных действий сотрудников милиции или военных патрулей. Газета «Далекая окраина» 29 сентября 1917 г. сообщила о дерзком ограблении жителя Владивостока преступниками под видом наряда милиции. В дом № 4 по Гаршинской улице, в квартиру гражданина Шарикова, около 5ти часов пополудни зашли пятеро вооруженных револьверами неизвестных, двое из которых были одеты в солдатскую форму с красными повязками милиционеров на рукавах. Один из визитеров представился комиссаром милиции 1 участка, предъявил удостоверение с предписанием провести в квартире обыск с целью выявления спирта. Улучив момент, вооруженные люди набросились на хозяина квартиры и его супругу, связали их и похитили 6000 руб., а также бессрочный паспорт и финансовые документы [25].

16 ноября 1917 г. в 6 утра к отделению Государственного банка в г. Благовещенске подъехало 6 казаков с 1 офицером. Безуспешно постучавшись в задние двери, «патруль» зашел с парадного крыльца. «Патруль» потребовал открыть двери для проверки воинской охраны банка. В требовании было отказано. Когда явился вызванный на место дежурный офицер, выяснилось, что, во-первых, «патруль» скрылся, а, во-вторых, никакого патруля не отправлялось.

8 декабря 1917 г. в 19 час. в Благовещенске, в доходный дом Сенотрусова на углу Торговой и Зейской улиц явились переодетые милиционерами грабители. Шестеро злоумышленников остались на улице, остальные в таком же количестве вошли в дом и предъявили подложные документы на право обыска от имени местного комитета партии большевиков со штемпелем обозной команды. Их жертвой стали 18 китайцев, у которых под

угрозой расстрела отобрали зимние вещи, одеяла и деньги в размере 12 тыс. руб. После этого грабители заперли всех пострадавших в подвале, забили дверь в него гвоздями и скрылись[26]. Грабители не были обнаружены и наказаны.

Жертвами нападений подчас становились и сами сотрудники милиции. В ночь на 1 июня 1917 г. в Никольск-Уссурийске двумя выстрелами был убит на посту милиционер Федор Аверьянов, недавно демобилизованный из армии вследствие ранения на фронте и поступивший на службу в милицию. Убийцы забрали с собой пистолет милиционера. Как сообщала газета «Уссурийский край», у убитого осталась семья – жена и трое детей, старший из которых сражался на русско-германском фронте[27].

Реакцией граждан на разгул преступности и неспособность милиции справиться с ним становились самосуды. К пойманым на месте преступления злоумышленникам применяли различные виды насилия. Например, 5 июня 1917 г. недалеко от станции Гондатти взятый крестьянином на поруки уголовный преступник убил своего благодетеля и попытался скрыться на его лошади. Увидевшие это пассажиры остановили движение поезда, поймали преступника, избивали его до полусмерти и сдали милиции на станции Бочкарево с «едва заметными признаками жизни»[28]. Распространение самосудов приобрело такие масштабы, что известны случаи обращения представителей уголовного мира к органам милиции с требованиями защитить их от расправ. Начальник Владивостокской милиции в июле 1917 г. получил письмо следующего содержания: «Мы, все воры, пока не опоздали протестуем против самосудов, учинившихся над нашими товарищами. Если попался вор, так его судить, а не самосудить. Так скажите всем вашим милиционерам, если самосуды повторяются, то тогда от Владивостока останется одно воспоминание. Ведь нас в шайке 300 человек. До свидания!»[29].

Нередки были случаи бытовых ссор между супругами с применением насилия. Известен случай, когда вернувшийся домой с фронта солдат, под впечатлением слухов о непристойном поведении жены во время его отсутствия, в присутствии гостей нанес ей в левую полость живота и руку ножевые раны. Потерпевшая, доставленная в больницу, попросила не подвергать её мужа аресту, так как не с кем будет оставить их маленьких детей, которые могли быть брошены на произвол судьбы [30].

Ещё одной задачей в борьбе с преступностью являлось противодействие незаконной продаже алкоголя. С решением Временного правительства о сохранении «сухого» закона в России связано появление нелегальных винокурен. На Дальнем Востоке к этой проблеме прибавлялось опиекурение, особенно развитое в районах проживания китайского и корейского населения. За период Первой мировой войны оно получило широкое

распространение и среди русского населения. К примеру, во Владивостоке в китайском квартале Он Чан Цзяна милиционерами было обнаружено 12 порций опиума, 2 трубки, 4 головки от трубки, 6 шпилек для прочистки, небольшая коробка с золотом. Содержатель опиекурильни был задержан[31].

Тревожные сообщения приходили из Владивостока, где пьянство принимало угрожающие размеры. В катажах, помимо постоянных алкоголиков, можно было увидеть женщин, подростков и даже священников[32]. В мае 1917 г. в центре г. Владивосток чинами милиции был обнаружен нелегальный завод, где изготовляли винный спирт[33]. Наказывали, в первую очередь, продавцов спирта. Так, был привлечен к ответственности продавец спиртных напитков во Владивостоке, покупателей которого обнаружили милиционеры в портовой части города[34]. За пьянство и продажу водки милицией 2 участка г. Благовещенска на одном из постоянных дворов по ул. Зейской в сентябре 1917 г. были задержаны 5 лиц[35].

В тяжёлое время революций некоторые обыватели продажей спирта пытались заработать на жизнь, а также оплатить транспортные расходы. К примеру, в поезде из Благовещенска какая-то женщина везла банку спирта. Соседки по вагону сообщили в милицию, где женщина пояснила, что хотела продать спирт для покупки билета на обратную дорогу. Милиционеры спирт вылили, а женщине дали денег с наставлением «Больше спирт не вози, сама знаешь, какая беда от него»[36].

Для борьбы с пьянством властями применялись различные меры, ведь пьянство, нередко, было причиной других видов уголовной преступности. На заседании Харбинского исполнительного комитета в мае 1917 г. было принято постановление, согласно которому необходимо было просить управление КВЖД об издании распоряжения о немедленном закрытии по всей полосе дороги винокуренных, водочных и пивоваренных заводов и о немедленном запрещении продажи спиртных напитков (кроме спирта для технических целей)[37].

На страницах газет можно увидеть меры наказания, применяемые к пьяницам. В г. Благовещенск, задержанного за пьянство, судья поместил под стражу на 7 дней, а также назначил штраф в 25 руб. Ещё одного задержанного пьяницу направили не в тюремную инспекцию, а к мировому судье, который дал ему выбор наказания: 10-тидневный арест или штраф в 50 руб. Пьяница выбрал арест. В обоих случаях гуляк предупреждали, что такая мягкая мера наказания применяется только один (первый) раз, за повторное пьянство наказание доводилось до 6 месяцев ареста или штрафа в размере 600 руб. [38]. Публикации данного вида появлялись в газетах для того, чтобы население понимало, какое наказание грозит за употребление спиртных напитков.

Поголовное пьянство и открытая торговля водкой, производившаяся в пос. Радде, Пошковом, Иннокентьевском, были отмечены в августе 1917 г. По свидетельствам современников женщины ведрами выносили бутылки с водкой и продавали по 2 руб. за бутылку. На протяжении переезда Радде-Благовещенск фиксировалась постоянное пьянство. Ни таможенники, ни поселковые комитетчики на такое безобразие не обращали внимание, а на пароходах у командиров не было специальных указов[39].

Также принимались обязательные постановления о мерах борьбы с пьянством. Согласно одному из постановлений, граждане г. Благовещенска должны были сообщать в городскую управу о количестве имеющихся у них запасов спиртных напитков, об их происхождении и назначении. Хранение, перенос, провоз спиртных напитков, не заявленных в городской управе, даже хранение для личного употребления запрещалась, также как и торговля ими[40].

Ещё одним видом преступности, с которым боролся новый режим, была проституция. До марта 1917 г. проституция в Российской империи была легализована, после свержения царизма Комитет общественной безопасности постановил закрыть все дома терпимости. Однако это постановление на местах не выполнялось. Сохранялась и тайная проституция. В мае 1917 г. за тайную проституцию была задержана четырнадцатилетняя гражданка, не имеющая постоянного места жительства[41]. В домах терпимости обитали хулиганы. В Благовещенске по ул. Безымянной были задержаны хулиганы, обобравшие китайцев. Один из них успел убежать, когда содержатель дома погасил свет, другой был задержан и направлен в 1-ый участок милиции. При обыске у него обнаружили револьвер «Браунинг», 83 руб., серебряный портсигар, часы, паспорт ссыльнопоселенца. На следующий день хулиган сбежал[42].

Зафиксированы случаи, когда представители армии, флота, милиции под разными предлогами грабили дома терпимости. К примеру, 1 октября 1917 г. около 19 час. в китайский дом терпимости во Владивостоке вошли матрос в сопровождении двух солдат. Они заявили, что являются членами рабочей секции, потребовали с китайца-хозяина 50 руб. Хозяин отдал деньги, но заявил об этом русским, с помощью которых члены «рабочей секции» были задержаны и доставлены в 3-ю часть милиции. При составлении протокола китаец-хозяин «дома свиданий» заявил, что матрос заходил к нему ранее и ни раз, получая с него по 30 руб. за каждую такую проверку. Матрос и двое солдат сознались в том, что они взяли 50 руб., но отрицали предыдущие походы[43].

В ноябре 1917 г. были зафиксированы беспорядки на Тыгдинской почтовой станции. Причиной послужила

личная неприязнь между начальником местных почтовых отделений и почтосодержателем. Начальник почтовых отделений указывал на чинившиеся препятствия и вымогательства с проезжающих, в особенности отпущенных солдат, которые не только по отношению к проезжающим, вели себя крайне вызывающе и даже творили насилие[44].

На Дальнем Востоке криминогенная ситуация осложнялась наличием протяжённой границей с Китаем. Плохо укрепленная пограничная зона, лежащая по тайге и рекам, отсутствие порядка в стране вели к развитию на Дальнем Востоке контрабанды, которая и в дореволюционный период представляла большую проблему для органов правопорядка. На территории нынешней Амурской области нелегальные грузы провозили по пограничной полосе р. Амур от Иннокентьевки до Благовещенска. Контрабандой занимались, в основном, амнистированные преступники, освобождённые из тюрем и каторги. Объектом провоза был спирт, однако в некоторых местах незаконный провоз спирта сокращался. Объяснялось это тем, что в некоторых сельскохозяйственных районах пьянство и вообще употребление спиртных напитков общественными силами были вытеснены. Их место в объеме нелегальных товаров заняла мануфактура и табак. Например, махорка «Казак», которую на китайской стороне можно получить в любом количестве за 50 руб. за ящик, тогда как в области махорки практически не было. Кроме этого, провозу контрабанды способствовало казачье население, которое за незначительное вознаграждение или даже за угощение закрывало глаза на провоз или пронос контрабандной продукции. Эти обстоятельства способствовали распространению данного вида преступлений[45].

За июнь 1917 г. в черте действия Благовещенской таможни зафиксировано 196 случаев обнаружения контрабанды на общую сумму 1022,25 руб. и вне черты действия Благовещенской таможни 198 случаев на сумму 2108,15 руб. Всего 394 случаев на сумму 3430,4 руб. [46]. В августе 1917 г. на ул. Вознесенской милицией 2го участка были задержаны корейцы с двумя мешками контрабандного табака[47]. Зафиксированы случаи, когда контрабандой занимались солдаты. Проблема была настолько острой, что Дальневосточный краевой комитет Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов рассматривал вопрос об участившихся случаях задержания солдат с контрабандой, при этом же солдаты предъявляли удостоверения ротных и полковых комитетов на разрешение провоза товара через границу[48].

Ещё одним видом экономических преступлений были спекуляции. Из справки счетного отдела г. Благовещенска усматривалось, что владельцы хлебопекарен выбирают муки больше, чем используют для выпечки хлеба. Установлено, что некоторые хлебопекарни заби-

рали по разрешению продовольственной управы муки на 100 пудов ежедневно, в дело же пускали 50. Сэкономленную муку коммерсанты продавали китайцам по повышенной цене, и наживались на 50-70 коп. с пуда. На действия спекулянтов городской продовольственной комиссии указывалось не раз, однако мер к ликвидации злоупотреблений не предпринималось[49].

В городах Дальнего Востока ещё с царских времён располагались китайские кварталы, где совершались разного рода преступления. Одним из специфических видов преступности было хунхузничество. Хунхуз в дословном переводе означает «краснобородый» (в древности китайские разбойники, маскируясь, носили искусственные рыжие бороды). Они действовали особенно активно в Маньчжурии, а также в приграничных районах русского Дальнего Востока. Как особый вид бандитизма - хунхузничество подразделялся на внешнее и внутреннее. Внешнее формировалось на территории Китая, внутреннее - на территории российского Дальнего Востока. Внутреннее хунхузничество проявлялось в периоды сбора опиума, корня женьшеня и окончания сезона на золотых приисках. Преступная деятельность хунхузов ограничивалась уголовной деятельностью (грабежи, разбои, убийства). Даже террористические акты, совершаемые против представителей действующей на то время власти, были попутным проявлением их деятельности.

На страницах газет мы встречаем много записей о преступлениях, совершенных именно в китайских кварталах или хунхузами. Хунхузы беспокоили мирное население на территории Никольск-Уссурийска. 9 мая 1917 г. они готовили нападение на селение Зеньковку, но благодаря принятым комитетом безопасности мерам опасность была устранена. Прибывшие из Спасского солдаты обнаружили лагерь хунхузов в шести верстах от ст. Свягино. Увидев солдат, хунхузы ушли в лес. Обнаруженные хунхузы на станции Свягино были хорошо вооружены трехлинейками и винчестерами, держались партиями по 20-30 человек. Население охватила паника. Власти видели решение проблемы в том, чтобы по селениям, которым угрожает опасность, разослать воинские силы и снабдить население оружием[50]. В этот же период в Благовещенске в китайском квартале был задержан китаец Тань Фу с тремя краденными курицами. Там же задержали Ивена Ли с флаконом морфия и шприцем. В результате следственных мероприятий стало известно, что за впрыскивания он брал по 10 коп. В том же районе задержали китаец Лифа Го с краденными одеялом и казёнными сапогами[51].

Отсутствие порядка в стране вело к росту преступности и в китайских кварталах. В июле 1917 г. в городскую управу подал обращение гражданин Китая, в котором перечислил безобразия, наблюдавшиеся в китайском

квартале. Ситуация становилась хуже, чем при существовании царской полиции: количество банковок возросло до 27, а опиекурлен до 20. Существовало опасение в том, что число подобных учреждений будет расти. Кроме того, всякие постройки и пристройки к домам возводились без специальных разрешений и без соблюдения строительных правил. В результате обращения городская управа, в целях избавления от китайского преступного элемента, взывала к борьбе с опиекурением и банковками и предлагала ряд мер: 1) сломать все постройки, возведённые без разрешения; 2) издать обязательное постановление, по которому ответственность должны нести владельцы тех домов, где обнаруживались притоны, а не подставные лица[52].

Хунхузы нападали на золотые прииски. 20 июля 1917 г. они совершили нападение на прииск М.П. Липина, находившегося в Сутарском районе. Шайка из 9ти человек, вооружённых винтовками, револьверами, кинжалами и топорами, отобрали у Милина винтовку, патроны, 20 кусков золота, продукты, одежду - всего на 400 руб. Главарь шайки был невысокого роста, лет 30ти, одет во всё русское, говорил по русски[53]. Для поимки хунхузов была выслана воинская команда в количестве 43 человек, однако к месту не доехала (на пароходах отправить команду, имеющих в своём составе 40 лошадей, было на тот момент невозможно). Хунхузы не прекращали деятельность и продолжали нападения[54].

Кроме роста преступности, совершаемые китайским населением, наблюдался произвол и по отношению к китайцам. По сообщениям председателя комитета безопасности китайского квартала взяточничество было более развито, чем при полицейских порядках. В то время взятки брала только полиция, а в период революций - милиция, солдаты и все «кому не лень»[55]. В мае 1917 г. по ул. Амурской во Владивостоке появились двое неизвестных, которые заходили в лавочки китайцев и предлагали немедленно уплатить налог за право торговли, грозя, в противном случае, подвергнуть штрафу в 50 руб. и закрытием лавочки. Лавочники уплатили неизвестным 87,5 руб. Аферисты были задержаны, у одного из них обнаружили 103,65 руб.[56].

К концу августа 1917 г. хунхузы угрожали почтово-телеграфному отделу в с. Помпеевке. Начальник отдела просил охраны. Отряд, действовавший в районе Хингана, и уже истребивший одну шайку, отправился на помощь[57].

Бывали случаи, что хунхузы нападали и на китайцев. В октябре 1917 г. на прииске Иннокентьевский 5 вооружённых хунхузов ограбили рабочих-китайцев. Рабочие получили зарплату, часть из них взяли ордера на получение денег и ушли в Благовещенск их обналечить. На прииске было 100 рабочих, хунхузы отобрали у китайцев

деньги и тёплую одежду. Общая сумма отобранных денег составила 12 тыс. руб. На прииске Бруно хунхузы произвели такое же ограбление примерно на 15 тыс. руб.[58]. В ночь на 30 октября 1917 г. хунхузы совершили дерзкий грабёж по ул. Пекинской, д. 22 во Владивостоке. В квартире к китайцу Ван Мин Сэну ворвались 6 человек хунхузов. В доме было ещё 8 гостей. Хунхузы всех связали, отобрали у них около 7 тыс. руб., сняли 16 золотых колец стоимостью 3 тыс. руб. При уходе один из преступников тяжело ранил одного из китайцев. Все хунхузы сумели беспрепятственно скрыться[59].

12 сентября 1917 г. на хутор Сухова ст. Гродеково напала шайка хунхузов. Цель нападения – захватить самого Сухова, разгромить хутор и продвинуться к ст. Гродеково. При нападении на хутор Сухов скрылся в речке, а бывший при нём мальчик сообщил на ст. Гродеково о нападении хунхузов. В скором времени приехали 10 казаков с командиром 6-ой особой сотни Уссурийского казачьего войска, завязавшие перестрелку с хунхузами. Хунхузов было около 80 человек. Стрельба затянулась до темноты, у хунхузов убито 8 человек, у казаков потерь не было. Казаки, расстреляв все патроны, отступили. На другой день казаки вернулись и стали преследовать бандитов, продвинулись на несколько верст и наткнулись на фанзу, где хунхузы готовились обедать, но, вероятно, заметили казаков и скрылись на китайскую территорию[60].

Таким образом, для уголовной преступности на Дальнем Востоке России в 1917 г. были в целом характерны общероссийские тенденции. Обще ухудшение криминальной обстановки сопровождалось вовлечением в преступную деятельность социально незащищенных слоев

города и деревни. Слабость или отсутствие органов правопорядка приводило к безнаказанности преступников, совершению дерзких преступлений, попыткам преступников замаскировать свои действия под деятельность милицейских или военных патрулей. Разгул преступности и неспособности органов власти совладать с ним приводили к распространению самосудов и жестоким расправам над преступниками со стороны населения. Среди уголовных преступлений основное место занимали посягательства на собственность – кражи, грабежи, разбойные нападения, иногда сопровождавшиеся убийствами жертв или нанесением им телесных повреждений. Отмечается рост числа криминальных деяний, совершенных с особой жестокостью или с применением огнестрельного оружия, чему способствует его распространение среди населения вследствие Первой мировой войны. В условиях действия сухого закона существенно увеличилось изготовление и сбыт алкоголя. Выращивание опийного мака, производство и сбыт наркотических веществ в условиях труднодоступности алкоголя стали популярны не только у китайцев и корейцев, но и среди русского населения.

К специфическим особенностям развития уголовной преступности на Дальнем Востоке России следует отнести контрабанду, которой нередко занимались жители приграничных районов, а также этническую преступность и бандитизм. Наличие протяженной границы между Россией и Китаем и ослабление ее охраны в условиях нестабильности власти обостряло эти проблемы. Их решение стало возможным только в 1920-1930-е гг., после окончания Гражданской войны и в процессе складывания социалистического общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства / П.В. Волобуев. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — 483 с.
2. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства / В.И. Старцев — М.: Мысль, 1978. — 256 с.
3. Тарновский Е.Н. Война и движение преступности 1911-1916 годов // Сб. статей по пролетарской революции и праву. - Пг., 1918. - № 1 - 4. С. 100-122.
4. Токарев Ю.С. Петроградские рабочие в борьбе за установление и охрану революционного порядка (август-декабрь 1917 г.) // Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма. - М.-Л., 1963. - С. 6-61.
5. Гутман М.Ю. Правовые основы организации и деятельности милиции Временного правительства, рабочей милиции и Красной гвардии Петрограда (март-октябрь 1917 г.) / М.Ю. Гутман // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2007. - №4 (36). — С. 32-43.
6. Дорохов В.Ж. Создание и деятельность органов охраны правопорядка новой России (февраль - октябрь 1917 г.) / В.Ж. Дорохов, С.Ю. Яхимович // Вестник Восточносибирского института МВД России. — 2018. - №3 (86). - С. 16-21.
7. Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914-1917 гг.: дисс. на соискание ученой степени канд. истор. наук. / Д.Ю. Ерещенко. — СПб, 2003. — 203 с.
8. Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917-1921 гг. и борьба с ней / В.И. Мусаев. - СПб., 2001. - 207 с.;
9. Кадач М.А. Преступность в Красноярске в 1917 году (по материалам газеты «Свободная Сибирь») // Енисейская провинция. - 2004. - № 1. - С. 105-109.
10. Кунц Е.В. Особенности преступности женщин на Урале (1917-1923 гг.) / Е.В. Кунц // Правовое регулирование рыночных отношений в современной России: материалы научно-практической конференции, Челябинск, 24–25 апреля 2003 года. — Челябинск: ЧелГУ, 2003. — С. 245-247.
11. Фидельский С.В. Уголовная преступность как проблема революционной повседневности 1917-1920 гг. (на материалах Юга России) / С.В. Фидельский // Наука и школа. — 2011. - №5. — С. 141-143.
12. Шабельникова Н.А. Исторический опыт формирования дальневосточной милиции в 1917–1922 гг. // Вестник Дальневосточного юридического института

- та министерства внутренних дел Российской Федерации. - 2014. - №2(27). - С.71-82.
13. Шабельникова Н.А. Черномаз В.А. Организационные основы становления милицейских учреждений Приморья в 1917-1922 гг. // Общество: философия, история, культура. – 2017. - С. 49-52.
 14. История Дальнего Востока России. Т.3.: Дальний Восток России в период революции 1917 г. и Гражданской войны. Кн. 1. – Владивосток: Дальнаука, 2003. - 631 с.
 15. Происшествия // «Амурское эхо», №626, 13 (26).04.1917 г.
 16. О раскрытии кражи бухгалтером Портнягиным денег // «Далёкая окраина», № 3351, 08.09 (26.08).1917 г.
 17. Происшествия // «Амурское эхо», № 700, 13 (26).07.1917 г.
 18. Происшествия // «Амурское эхо», № 632, 21.04 (04.05).1917 г.
 19. Кража // «Уссурийский край», № 98, 05.05.1917 г.
 20. Кража // «Амурское эхо», № 697, 09 (22).07.1917 г.
 21. Кража // «Амурское эхо», № 731, 17 (30).08.1917 г.
 22. Убийство А.П. Бужко // «Далёкая окраина», №№ 3251-3254, 09.05 (26.04) – 12.05 (29.04). 1917 гг.
 23. Разбойное нападение // «Уссурийский край» № 167, 01.08.1917 г.
 24. Зверское убийство // Свободное Приамурье, №27, 15.06.1917 г.
 25. Грабеж // Далёкая окраина. №340, 29.09.1917 г.
 26. Под фирмой большевиков // Амурское эхо, №830, 12.12. 1917 г.
 27. Убийство милиционера // Уссурийский край, №121, 02.06. 1917 г.
 28. Самосуд // «Уссурийский край», № 135, 23.06. 1917 г.
 29. Протест воров // «Уссурийский край», № 151, 13.07.1917 г.
 30. Кровавая расправа // «Уссурийский край», № 101, 09.05.1917 г.
 31. Опиекурильни // «Далёкая окраина», № 3208, 03.03.1917 г.
 32. Происшествия // «Амурское эхо», № 661, 28.05 (10.06). 1917 г.
 33. Происшествия // «Далёкая окраина», № 3258, 17 (04).05.1917 г.
 34. Борьба со спиртом // «Далёкая окраина», № 3261, 20 (07).05.1917 г.
 35. Происшествия // «Амурское эхо», № 747, 06. (19).09.1917 г.
 36. Происшествия // «Амурское эхо», № 633, 22.04 (05.05).1917 г.
 37. Запрещение спиртных изделий // «Далёкая окраина», № 3267, 30 (17).05.1917 г.
 38. Происшествия // «Амурское эхо», № 664, 01 (14).06.1917 г.
 39. Пьянство // «Амурское эхо», № 731, 17 (30).08.1917 г.
 40. К дополнению обязательных мер по борьбе с пьянством // «Амурское эхо», № 738, 25.08 (07.09).1917 г.
 41. Происшествия // «Амурское эхо», № 649, 13 (26).05.1917 г.
 42. Задержание // «Амурское эхо», № 652, 17 (30).1917 г.
 43. Происшествия // «Голос Приморья», № 40, 03 (15).10.1917 г.
 44. Беспорядки // «Амурское эхо», № 808, 18.11 (01.12).1917 г.
 45. Происшествия // «Амурское эхо», № 653, 18 (31).05. 1917 г.
 46. Происшествия // «Амурское эхо», № 694, 06 (19).07.1917 г.
 47. Контрабанда // «Амурское эхо», № 723, 08 (21).08.1917 г.
 48. Контрабандисты-солдаты // «Амурское эхо», № 791, 01 (14).11.1917 г.
 49. Спекуляция // «Амурское эхо», № 710, 25.07 (07.08).1917 г.
 50. Хунхузы // «Уссурийский край», № 107, 16.05.1917 г.
 51. Происшествия // «Амурское эхо», № 638, 28.04 (06.05).1917 г.
 52. Происшествия // «Амурское эхо», № 709, 23.07 (05.08).1917 г.
 53. Происшествия // «Амурское эхо», № 719, 04 (17).08.1917 г.
 54. Хунхузы // «Амурское эхо», № 723, 08 (21).08.1917 г.
 55. Происшествия // «Амурское эхо», № 719, 04 (17).08.1917 г.
 56. Шантаж // «Далёкая окраина», № 3261, 20 (07).05.1917 г.
 57. Происшествия // «Амурское эхо», № 734, 20.08 (02.09).1917 г.
 58. Происшествия // «Амурское эхо», № 769, 04 (17).10.1917 г.
 59. Дерзкий грабёж // «Далёкая окраина», № 3405, 13.11 (31.10).1917 г.
 60. Происшествия // «Голос Приморья», № 27, 17 (30).1917 г.

© Сливко Станислав Вадимович (tov.slivko@mail.ru), Романова Марина Ибрагимовна (maromanova@yandex.ru),
Магденко Анжела Александровна (anj.necrasova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»